

Поклон Пушкину

Дет. Москва. - 1994. - июль. - с. 4

Подступает двухсотлетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Казалось бы, уже все известно о нем. Бережно собраны рукописи и книги поэта, его вещи, мебель... Музейщикам удалось восстановить даже старинные обои некоторых его комнат. Несомненно, на исходе века пораду-ют нас и пишущие о жизни и творчестве Александра Сергеевича. Неужели не удастся в этот период открыть что-то еще неизвестное, проливающее свет на его замечательную фигуру, его дела и дни? Оказывается, ожидать этого не только можно, но и должно. В связи с открытием ряда архивов, в том числе и находящихся в Москве, исследователям все чаще везет на находки. К ним принадлежит и подлинная рукопись о Пушкине видного русского пи-сателя Ивана Шмелева — эмигранта, умершего в Париже в июне 1950 года. Именно здесь, во французской столице, москвич Иван Шмелев не раз вы-ступал в пушкинские дни 1937 года перед соотечественниками, желавшими почтить память поэта, погибшего сто лет назад на дуэли. Автор тщательно работал над текстом, которому дал название «Заветная встреча». В конце его он оставил свой автограф, который воспроизводится после избранных фрагментов рукописи, созданной незаурядным мастером слова, преданным почитателем творчества своего великого земляка.

Николай МИТРОФАНОВ.

Иван Шмелев Заветная встреча

Почему все мы любим Пушкина, и многие бессознательно? И это, может быть, лучше, что — бессознательно, за-то непосредственно и крепко... Потому ли, что в нем все отвечает какому-то важному в нас инстинкту? От него идет как бы ток, как от чего-то очень огром-ного. В нем включено как-будто все — для всех нас: веет от него стихией, ко-торая в нас вливается и живет. Пушкин — не гениальная случайность литерату-ры русской, а «явление чрезвычайное» (по Гоголю), «пророческое» (добавил Достоевский). Он как бы предугапан нам показать, на какие высоты может подниматься русский гений — он зна-

мение нашей духовной сущности. Мы это чуждым нашим постигаем. «Тайна» Пушкина — для нас, ныне — в очисти-тельной встрече нашего духа с ним, в очищающем пламени его...

Пушкин — скрижаль нашего заве-та: в нем все, чтобы быть нам русски-ми, и быть достойно. Пушкин для нас — бесспорность, прирожденность. Он для нас — чувство родины с детских лет. Никто из творцов родного слова, кого учили мы в хрестоматиях, так не прирос нам к сердцу, никто так не стал своим, как Пушкин. Поньше веет он в нас воздухом детских лет. Читаем его — и слышим, как пахнет снегом, чувствуем занемевший с мороза паль-чик, видим «бразды пушистые», «на стеклах легкие узоры», «деревья в зимнем серебре», «мороз и солнце... день чудесный!» — слышим первую зиму нашу. Вбираем в себя... — и сколько отображений, отзвуков!

...Пушкиным можем воскрешать и

Это мы встречаем «утро года», это мы просыпаемся и видим — родное видим. С Пушкиным — мы в сво-ем. Вот она, «тайна» Пушкина.

Не только мы знаем эту тайну. Зна-ют ее и те, для кого слово ро-ди-на — не звучит. Они знают, ка-к Пушкин скрепляет во-

едино, как застав-ляет дро-жать на-циональ-ную осно-ву. Та м — восста-навливают его в правах. И мы понима-ем, почему. Встреча народа с Пушкиным не может пройти бесследно. Из этой «встречи» мо-жет родиться чудо.

Пушкиным познаем мы тайну нашего языка. Жизнь заставила нас слушать чужой язык, и мы познали до глубины, что такое — родной язык, наш язык. Пушкиным мы познали, как мы духовно сильны, как мы — всечело-вечны: нет ни единого чувства в мире, чего не вняла бы русская душа, не обле-кла бы в родное слово.

вызывать видения: «бури завыва-ные»,... «сиянье розовых снегов и мглу крещенских вечеров». Видеть через не-го всю русскую природу:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Найдем ли в мировой литературе бо-лее совершенный образ? Гениальный скульптор по этим восьми словам мо-жет вылепить Весну. И мы в и д и м, как вылепит, если только найдется в мире скульптор, ра в н ы й.

Ив. Шмелев.
Май, 1937.
Париж.

Пушкин А.С.

1.06.94